

МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАЦИИ: МЕЖДУ КОРПУСОМ И ДИСКУРСОМ¹

УДК 811.16, 81'42

КСЕНОПОКАЗАТЕЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ДАННЫЕ

В. В. Фещенко

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 05.12.2025 г.
Принята к публикации 29.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5

Статья посвящена сопоставительному исследованию ксенопоказателей – прагматических маркеров чужой речи – в современных славянских языках. Эти единицы играют важную роль в организации дискурса, поскольку отражают метакоммуникативную рефлексию говорящего и способы репрезентации «чужого голоса» в высказывании. Несмотря на активное изучение отдельных ксенопоказателей в национальных языках, их типологическое описание в межславянской перспективе до настоящего времени остается фрагментарным. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации лексических ксенопоказателей в основных славянских языках, а также в установлении их функциональных и семантико-прагматических соответствий. Методологической основой работы является корпусно-дискурсивный анализ, сочетающий количественное сопоставление данных параллельных и монологических корпусов с качественной интерпретацией дискурсивных контекстов. Особое внимание уделяется переводным художественным текстам как репрезентативному материалу для межъязыкового сопоставления.

В результате исследования показано, что лексические ксенопоказатели присутствуют во всех рассмотренных славянских языках, включая те, где категория эвиденциальности преимущественно выражается грамматически. Установлены типологические сходства и различия в происхождении, частотности и прагматических функциях маркеров, а также выявлена высокая вариативность их переводческих соответствий. Полученные данные уточняют представления о соотношении эвиденциальности, цитативности и эпистемической модальности в дискурсе и вносят вклад в развитие корпусной прагматики и кросс-лингвистических исследований.

Ключевые слова: *корпусная прагматика, корпусно-дискурсивный анализ, ксенопоказатели, прагматические маркеры, славянские языки, типологическая прагматика, чужая речь*

¹ Раздел подготовлен приглашенным редактором В. В. Фещенко.
© Фещенко В. В., 2026



1. Введение

Метакоммуникация (то есть рефлексия самого процесса коммуникации) является одним из ключевых механизмов прагматики как измерения языка, связанного с деятельностью говорящего субъекта. В языке существуют особые средства выражения метакоммуникативных значений и смыслов — метатекстуальные маркеры, дискурсивные слова и конструкции, коннекторы, ксенопоказатели, метакоммуникативные комментарии и др. Современные инструментальные и компьютерные методы анализа самого разного языкового материала — от бытового общения до высокой поэзии — способны дать количественно и качественно новые результаты в сфере осмысления прагматики как лингвистической дисциплины. В связи со стремительной цифровизацией языковых данных и распространением новых технологий перед лингвистикой возникают новые задачи, решение которых приводит к формированию ряда междисциплинарных направлений. В настоящее время в мировой лингвистике активно развивается такое направление исследований, как *корпусная прагматика*.

В рамках изучения прагматического измерения языка и дискурса в последнее время используется методология *корпусно-дискурсивного анализа*. Такой метод анализа предполагает не только количественные данные, но и качественную интерпретацию конкретных примеров, то есть дискурсивных контекстов, в которых функционируют языковые единицы, в том числе типовых контекстов, наиболее употребительных кластеров прагматических единиц, узуальных и аномальных употреблений и т. д. Одна из исследовательских задач в этом направлении — поиск соответствия прагматических единиц в разных языках и типологических закономерностей их функционирования в разных дискурсах².

Ксенопоказателям как прагматическим маркерам чужой речи (типа рус. *мол, дескать, якобы*) уделяется в последние годы много исследовательского внимания в свете постоянно пополняющихся корпусных данных различных языков, дискурсов и типов речи. Менее исследованным остается *типологический аспект кросс-лингвистической прагматики*, то есть сопоставительное изучение функционирования прагматических единиц в множестве языков³. В данной статье мы очертим арсенал ксенопоказателей в десяти основных современных славянских языках

² В частности, проект рабочей группы «Лингвопрагматика художественных дискурсов» (участники О. В. Соколова, И. В. Зыкова и В. В. Фещенко, выполняется в Институте языкознания РАН) направлен на прагматический анализ разных видов художественных дискурсов — поэзии, прозы, драмы, кино, перформанса. О методике корпусно-дискурсивного анализа см.: (Соколова, Фещенко 2024).

³ Предмет типологической прагматики определяется, например, так: “Pragmatic typology unites the goals and tools of pragmatics and typology to investigate patterns of language use and conversation across different communities, in order to establish similarities grounded in the common infrastructure of human interaction as well as differences driven by the local resources of particular linguistic and cultural settings” (Rossi 2020, p. 497).



по данным существующих открытых параллельных и монолингвальных корпусов⁴. Привлекаемые нами корпуса содержат переводные, в основном художественные, тексты с русского и на русский язык; а также корпуса соответствующих национальных языков для верификации употребимости конкретных прагматических единиц. В результате исследования будет представлена сводная таблица славянских маркеров чужой речи, представленных главным образом частицами.

2. Ксенопоказатели как прагматические единицы. Современное состояние исследований

Частицам, в том числе интересующим нас маркерам косвенной речи, как *грамматическим* явлениям посвящались научные статьи начиная с 1960-х годов. Т.М. Николаева (1985) уже в рамках *коммуникативно-дискурсивного* подхода предложила описание типов ситуаций и типов функционирования частиц как «коммуникативных слов» в основных славянских языках. Однако частицы косвенной речи не рассматривались в этой работе. Первую *прагматическую* трактовку их предложила Н.Д. Арутюнова, введя для данного класса прагматических явлений (частицы *де, дескать, мол* и подобные) термин «ксенопоказатели», то есть «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» (2000, с. 437). Их основная функция — в «маркировке присутствия Другого» (Там же, с. 448). Данные единицы маркируют не просто прямую или косвенную речь, а «вербализацию коммуникативного смысла речеповеденческого действия» (Там же, с. 444–445). Подобные частицы входят в высказывание именно как речевые действия с определенным коммуникативным намерением, они «как бы превращают действие в речь» (Там же, с. 446). Они выявляют, акцентируют «речеповеденческую цель» конкретного акта высказывания, и в этом смысле они метарефлексивны, то есть служат не только коннекторами дискурса (метакоммуникативными маркерами), но и показателями субъективной рефлексии по поводу приводимых слов.

И.Б. Левонтина (2020) рассматривает целый спектр современных русских маркеров подобного типа (*якобы, будто бы, ах, вот, типа, так и так, видите ли*), связывая их с категорией «пересказывательности» и отмечая, что под чужой речью здесь может пониматься и собственная речь говорящего субъекта, либо сказанная ранее, либо запланированная на будущее, либо просто оцениваемая «отстраненно», с другой позиции. Исследователями были сделаны предположения о том, что частицы *мол* и *дескать* служат маркерами недоверности, эпистемической модальности, эвиденциальности, цитирования, ренарративности.

⁴ Главным образом, параллельных подкорпусов славянских языков НКРЯ (далее — ПарК), преимущественно состоящих из текстов художественной прозы; в некоторых случаях данные также сверялись с параллельными корпусами на мультилингвальной платформе Intercorp. Тексты поэтические на данном этапе еще не общедоступны для параллельно-корпусного изучения, хотя перспективы этого уже намечаются (см. проект PoeTree: <https://versologie.cz/poetree/>).



К настоящему моменту получены корпусные данные функционирования некоторых русских ксеномаркеров (Плунгян 2008; Богданова-Бегларян 2021), в том числе данные по корпусам художественных дискурсов (Фещенко 2025). В целом выводы лингвистов сводятся к тому, что на современном этапе ксенопоказатели не утрачивают своей употребимости и прагматической эффективности как в разговорной речи, так и в художественной литературе. Частица *мол* является одним из наиболее распространенных в современном русском языке ксенопоказателей и дискурсивных маркеров, и именно она будет нашим главным объектом корпусно-дискурсивного рассмотрения.

И в отечественной, и в западной лингвистике и славистике ксенопоказатели широко изучаются в рамках теории эвиденциальности⁵. Маркеры эвиденциальности включаются также в более крупную прагматическую группу пропозициональных единиц (или дискурсивных маркеров⁶). Также в западной традиции применительно к таким показателям приняты термины *quotatives* и *reportives*⁷, под которые попадают не только дискурсивные маркеры, но и регулярные грамматические и семантические средства ввода чужой речи. Проводятся типологические и сопоставительные исследования ксеномаркеров в разных языках⁸. Самое подробное описание эвиденциальных маркеров в славянских языках дается в коллективной монографии (Wiemer, Plungian 2008); статья самого Б. Вимера в этом издании посвящена лексическим показателям эвиденциальности в славянских языках (впрочем, без данных по белорусскому, украинскому и словенскому и без привлечения переводных текстов или параллельных корпусов). Проведенное Вимером отдельное экспериментальное исследование (Wiemer 2018) предоставляет ценный материал⁹, однако исключает русские ксенопоказатели *мол*, *де*, *дескать* из эвиденциальных маркеров, оставляя в этом классе только *якобы*. В этом издании опять-таки исследуются не все славянские языки, и отсутствует аспект переводческий. По ходу нашего анализа славянских ксенопоказателей мы будем привлекать также специализированные работы об этих маркерах в конкретных языках.

⁵ См. коллективный труд (Храковский 2007), в котором эвиденциальность рассматривается в типологическом освещении (из славянских языков здесь рассматривается только русский и болгарский). Эвиденциальности в языках Европы посвящен научный сборник (Wiemer, Marín-Arrese 2022) с отдельными главами о русском и польском.

⁶ См. (Schiffrin 1987), а также обзор литературы в (Соколова, Захаркив 2025).

⁷ См., например: (Buchstaller, Van Alphen 2012) (славянские языки в этой работе не представлены).

⁸ Так, отдельная статья посвящена соответствиям русского *якобы* в английском языке в параллельных корпусах (Апресян, Шмелев 2017). В статье (Крылова 2020) имеются замечания о сопоставлении русских и датских маркеров чужой речи. Русско-английские и русско-итальянские сопоставления эвиденциальных маркеров см. также в (Кобрина 2005).

⁹ В частности, составлена полезная таблица наиболее употребительных маркеров пересказываемости по данным опроса (р. 378).



3. Результаты исследования и обсуждение

В данном исследовании мы предпринимаем попытку систематизировать данные о соответствиях ксенопоказателей (в основном представленных частицами) в современных славянских языках: русском, белорусском, украинском, польском, чешском, словацком, словенском, сербохорватском, македонском, болгарском. Основой для двуязычного и многоязычного сопоставления будут русские ксенопоказатели, с перечня которых мы и начинаем.

1) РУССКИЙ

В современном русском языке употребляются следующие лексические маркеры чужой речи, которые можно разделить на три класса:

а. Маркеры со значением цитативности, ренарративности и субъективной модальности:

Мол; дескать; де¹⁰; так и так¹¹; грим (говорит)

б. Маркеры со значением эпистемической модальности:

якобы; будто бы; вроде бы; видите ли (видишь ли)

в. Новые маркеры-цитативы: *типа; типа того; такой; вот; как бы; вроде как; вроде того; ах*

2) БЕЛОРУССКИЙ

В украинском и белорусском языках стоило бы ожидать наиболее близких соответствий с русскими дискурсивными показателями, из-за близкого родства и частых интерференций. В обоих языках есть практически точные аналоги русского *мол*, при этом этимологически являющиеся когнатами: *маўляў* и *мовляв*. Частица *мол* образовалась в результате скороговорного усечения либо формы *молвит*, либо формы *молвил* (в русских диалектах фиксируются еще более краткие аллегрформы *мо* и *мл*). Прагматикализация этих частиц — давний процесс, восходящий к периоду не позднее XVII века. Интересно, что в белорусском и украинском языках этого усечения не произошло, и в качестве ксенопоказателей там и по сей день выступают глаголы третьего лица прошедшего времени *маўляў* и *мовляв* соответственно.

Из присутствующих в параллельном русско-белорусском корпусе НКРЯ 556 примеров выдают в большинстве случаев эквивалент *мол* — *маўляў*:

русский:

Показал мне на голову: мол, ты, друг, не в себе.

белорусский:

Паказаў мне на галаву. маўляў, ты, друг, звіхнуўся.

(С. Алексиевич)

¹⁰ Обзор актуальной литературы по этим трем маркерам см.: (Фещенко 2025).

¹¹ В работе (Левонтина 2020) *так и так* относится к «новым цитативам», в то время как эта формула употребляется в литературе по меньшей мере с XIX века.



В некоторых случаях перевода с русского *мол* на белорусский употребляются глаголы-цитативы *кажуць* и *кажа*; иногда в этой роли встречается стяженный и редкий для белорусского вариант *моў* (по-видимому, процесс стяжения шел параллельно, но только в русском он возобладал):

белорусский:

Ён вінтоўку наставіў і хацеў: моў, я цябе прыкончу!

русский:

Он винтовку наставил и хотел: мол, я тебя прикончу!

(А. Адамович)

Употребляются также иные маркеры, которые обычно как ксенопоказатели не используются: *бо; бач; бачыце; можа; значыцца*:

русский:

С меня, мол, господа, и те еще не спустили порток-то... не тебе чета, чернонебому.

белорусский:

З мяне, бач, паны і тыя не спушчалі портак... не табе раўня, чарнаротаму.

(И. Бунин)

На русские *дескать* и *де* примеров в параллельном корпусе в 10 раз меньше, чем *мол*, и частотные эквиваленты здесь те же, плюс *бачыш, нібыта, відаць, нібы*. В переводах Гоголя на белорусский попадает и редкая частица *пыні*, по-видимому, вышедшая из употребления после XIX века¹²:

русский:

Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут.

белорусский:

Вы, пыні, з панам, кажа, зладзюгі, і пан твой — чмут.

(Н. Гоголь)

В контекстах с русским ксенопоказателем *якобы* встречаются следующие белорусские эквиваленты: *кажа; нібыта; нібы; як бы; як быццам (бы)*. Ксеноконструкция *так и так* передается в белорусском аналогично: *так і гэтак; так і так*.

В белорусской разговорной речи *маўляў* употребляется редко; чаще используются *нібыта; нібы; як бы; як быццам*¹³. По данным белорусской части ПарК, все 883 вхождения *маўляў* — из художественной литературы. При этом *маўляў* весьма употребимо в публицистическом дискурсе,

¹² Из Этимологического словаря: «**ПЫ́ні** 'маўляў, моў' (Яруш., Гарэц., Бяльк.), выклічнік (націск залежыць ад папярэдняга слова) 'та, вось, моў': я пыни не таковскій; 'прыяцель, вашэць': тобе, пыни, можна гето сказаць (Нас.). Магчыма, гукапераймальнае, параўн. рус. пынь-пынь 'пра чалавека, які гаворыць невыразна, заікаючыся', або дэфармаванае слова-паразіт, што ўзыходзіць да звароту пане ці васпане (гл.), пра гэта сведчыць заўвага Ярушэвіча "гор." (гарадское)» (<https://verbum.by/esbm/ryni>).

¹³ По данным информанта — носителя языка. Корпус разговорного белорусского на данный момент отсутствует.



как показывают данные сайта «Радио Свобода»* на белорусском языке (16 241 вхождение за последние 30 лет, что гораздо больше других ксенопоказателей, в том числе разговорного *нібыта*). «Новые цитативы» как таковые, по-видимому, в белорусском отсутствуют; в их роли выступают русские *типа, такой* и т. д. в смешанной русско-белорусской речи.

3) УКРАИНСКИЙ

Данные по параллельному корпусу НКРЯ очень похожи на русско-белорусские соответствия. Аналогом *мол* служит частица *мовляв*¹⁴ (531 пример в ПарК). В отличие от белорусского, отмечается практически полное соответствие во всех контекстах в украинском¹⁵. В одном случае в паре к *мол* употреблено укр. *пак* – устаревшая частица, придающая речи оттенок эмфазы. Рус. *дескать* и *де* также соответствует везде укр. *мовляв*, лишь изредка – усеченной форме *мов*, глагольной форме *каже* (или сокращенного варианта *ка*) или частице *бач* (встречающейся и в белорусском). У авторов XIX века в имитациях простонародной речи может встречаться *мов* (или *мой*). См. примеры:

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

украинский:

Никанор Иванович, трохи збентежившись, заперечив, що, мовляв, іноземцям належить зупинятись у «Метрополі», а не в приватних помешканнях...

(М. Булгаков)

украинский:

Ось мов вечір: соловейко щебече, хруці гудуть, а мати: «А місяць за гаєм сходить он як!»

русский:

Вот, мол, вечер; соловейко заливается, хрущи гудят, а мать: «А місяць за гаєм сходить он як».

(А. Тесленко)

украинский:

Куди, питаюся? Послі, ка, відкриюся. Тенор і бас.

¹⁴ Об этимологии украинского *мовляв* в свете русского *мол* см.: (Симонова 1983). Некоторые замечания на тему эвиденциальных маркеров в украинском см.: (Яслик 2016).

¹⁵ Корпус украинского языка ГРАК выдает 111 444 вхождения слова *мовляв*, или 61,24 на миллион, для сравнения: рус. *мол* в Основном корпусе НКРЯ 67,6 на миллион, то есть частотность этой пары показателей практически идентична в двух языках. Как и бел. *маўляў*, укр. *мовляв* широко распространено в современном публицистическом дискурсе, о чем свидетельствуют данные поиска на украиноязычном «Радио Свобода»* (10148 вхождений за все время).

* Радио «Свобода» в 2024 году включено Министерством юстиции РФ в реестр нежелательных организаций. — Примеч. ред.

**русский:**

Куда, спрашиваю? После, **мол**, откроюсь. Тенор и бас.

(Н. Кулиш)

русский:

Эту картину в раме дальней двери она объяснила извинительным вздохом («мужчины, **мол**, любят строить») и спросила, позвать ли мужа.

украинский:

Цю картину в рамі дальніх дверей вона пояснила благальним зітханням («мужчини, **пак**, люблять будувати») й спитала, чи покликати чоловіка?

(В. Набоков)

Добавим также, что рус. цитатив *так и так* соответствует в ПарК укр. *так і так; отак і отак; так і сяк*.

Для соответствия русским эпистемическим частицам типа *якобы* в украинском употребляется специфический ряд частиц на основе отрицательных партикул: *ніби; нібито; неначе; немовбито; неначебто*. Все они от первого до последнего идут в стилистических регистрах по возрастающей — от обыденной речи к литературно-художественному курсу. Эта вариативность, в общем, соответствует вариативности русских цитативов типа *вроде, вроде бы, будто бы, вроде как, вроде как бы* и т. п. Рус. *будто бы* передается укр. *буцім* с фонетическими вариантами *буцім-то, буцімби* (аналогичное бел. *быццам бы*).

Можно отметить, что частицы *нібито* и *ніби* наиболее близки по форме белорусским аналогам *нібыта* и *нібы*, см. пример из белорусского поэта В. Ленкевича в переводе на украинский:

белорусский

я спрабаваў затаркнуць ёй рот, уключыўшы ўсё святло ў кватэры, **нібыта** я не адзін тут **маўляў**, можа, пойдзеш прагуляешся, ты ж бачыш, я не адзін (не павялася, холера).

украинский:

я намагався заткнути їй рота, увімкнувши все світло в квартирі, **нібито** я не один тут, **мовляв**, може, підеш прогуляєшся, ти ж бачиш, я не один (не пове-лася, холера).

Соответствия между русским *мол*, белорусским *маўляў* и украинским *мовляв* подтверждаются также в существующих примерах стихотворного перевода между белорусским, украинским и русским:

украинский

Головне дбати про друзів, пам'ятати
всі п'яні обіцянки, що
давались зі сльозами і соплями —
що ось, **мовляв**, витягнемо, прорвемось,
поставимо це життя раком.

русский

Главное заботиться о друзьях, помнить
все пьяные обещания, что
давались со слезами и соплями —
что вот, **мол**, вытянем, прорвемся,
поставим эту жизнь раком.

(С. Жадан)



Украиноязычный корпус разговорной речи пока не создан, поэтому о частотности ксенопоказателей в разговорном украинском судить сложно. Однако можно отметить, что в разговорной речи под влиянием русского употребляются новые цитативы, но они служат тут русизмами и чаще всего знаками низкого социального или молодежного уровня, на письме используются только стилизованно.

4) ПОЛЬСКИЙ

Маркеры эвиденциальности и чужой речи в польском описаны лучше, чем в белорусском и украинском. Существуют специальные исследования о сопоставлении русского и польского в этом аспекте. В частности, в статье (Wiemer 2008) приводится таблица с основными, наиболее употребительными лексическими показателями эвиденциальности, сопровождаемая подробным анализом каждой из единиц с двуязычными примерами (р. 339 и далее). Здесь они разделяются на цитативные (рус. *якобы; мол; дескать; -де*) и инферентивные (рус. *как будто; вроде; по-хоже; видимо*).

В польском языке лучше, чем в белорусском и украинском, обстоят дела и с корпусами (существует несколько таких корпусов). Доступен онлайн-корпус устной речи (Spokes). Однако параллельный русско-польский корпус на базе НКРЯ дает не так много примеров. Чаще всего в переводных контекстах *мол* и *дескать* не переводятся, употребляется лишь союз *że*. Среди аналогов *мол* в литературных текстах встречаются варианты с *niby* (*że niby; niby że; niby to*), родственные бел. *нібы* и укр. *ніби*. У одного из польских авторов (А. Сапковского) несколько раз употребляется частица *pry*, не зафиксированная в польских словарях, но, по-видимому, являющаяся интерференцией с чешским, где эта частица есть (см. ниже):

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

польский:

Prezes z niejakim zdziwieniem powiedział, że przecież¹⁶ cudzoziemcy zwykli mieszkać w "Metropolu", a nie w prywatnych mieszkaniach...

(М. Булгаков)

русский:

Скажи, дескать, мобилизация отменена, а им за героизм честь и слава.

польский:

Powiedz, że niby mobilizację odwołano, ale że im za bohaterstwo należy się cześć i chwala.

(Н. Островский)

польский:

Wreszcie rzekł mi, pry, do Wrocławia tu mus wrócić.

русский:

Наконец он сказал мне, что, мол, во Вроцлав должен вернуться.

(А. Сапковский)

¹⁶ В данном случае частица *przecież* 'ведь' отчасти выполняет эвиденциальную функцию, хотя не является ксенопоказателем.



Также в переводах на месте ксенопоказателей встречаются глагольные маркеры *powiadasz; powiada* (в диалектных текстах встречается, по-видимому, устаревшая сокращенная форма *peda*¹⁷):

Аналогами рус. *якобы* выступают в русско-польских переводах несколько маркеров: более литературные *jakoby* и *rzekomo* и более разговорные *podobno, niby*, и *ponoś* (и устаревший вариант последнего — *pono*). Их разговорный регистр подтверждается частотными данными устного корпуса разговорного польского Spokes. На рус. *так и так* параллельный корпус дает три варианта: *tak i siak; tak a tak; tak i tak*, но эти конструкции не частотны в целом в польском. Исследователями (напр., Guz 2024) отмечается хождение в современном польском новых цитативов на основе демонстративов *tak (taka, taki)*, аналогичных рус. *такой (такая, такие)*.

5) ЧЕШСКИЙ

В чешских контекстах на месте рус. *мол* употребляются, как и в польском, чаще всего конструкции с *že* без специальных лексических маркеров¹⁸. Специфические маркеры-цитативы используются в польском и чешском реже, чем в восточнославянских языках. Изредка в переводах *мол* и *дескать* употребляется чеш. *prý* (от глагола говорения *pravít* 'рассказывать, говорить')¹⁹; для рус. *якобы* применяется как *prý*, так и *údajně*, и в художественном, и в публицистическом дискурсе. Снова отметим аналоги к рус. *так и так*: чеш. *takhle a takhle; tak a tak*.

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

чешский:

Nikanor Ivanovič trochu rozpačitě namítal, že cizinci mají bydlet v Metropoli, a ne v soukromých bytech...

(М. Булгаков)

чешский:

Dnes však udělal výjimku a zatelefonoval Skonsbergovi, aby k němu co nejrychleji přijel. Prý něco obzvlášť důležitého. Skonsberg vystoupil po dřevěných schodech do prvního patra, kde už na něho komisař čekal a uvedl ho do své pracovny.

русский:

Но сегодня он сделал исключение, позвонил Шенсбергу и попросил приехать к нему, да не откладывая. Случилось, мол, нечто чрезвычайно важное. Шенсберг по деревянным ступеням поднялся на второй этаж в кабинет комиссара. Тот его уже ждал.

(З. Черник)

¹⁷ Согласно (Иванов 2009, с. 167).

¹⁸ В параллельном чешско-русском корпусе на базе НКРЯ, в отличие от других пар, много современных публицистических текстов.

¹⁹ Как и рус. *мол*, имеет два основных значения — модальное и ренарративное. Об этой частице см.: (Hoffmannová 2008).

**русский:**

После этого заговорили о шелке, и Остап обещал подарить очаровательной хозяйке несколько сот шелковых коконов, **якобы** привезенных ему председателем ЦИК Узбекистана.

чешский:

Nato se rozhovořili o hedvábí a Ostap slíbil, že daruje okouzující hostitelce několik set hedvábných kokonů, které mu **údajně** přivezl předseda uzbeckého ÚVV.

(И. Ильф, Е. Петров)

В разговорном чешском, по данным устного корпуса (в составе Чешского национального корпуса), частица *prý* (и ее вариант *prej*) гораздо частотнее *údajně*: 498,18 на миллион против 14,56. Из новых цитативов фиксируются *jako* как четкий эквивалент рус. *такой* и реже используемый маркер *na to*, соответствующий англ. *goes like*²⁰.

6) СЛОВАЦКИЙ

В словацком ситуация с маркерами эвиденциальности и чужой речи схожа с чешским языком. Однако конструкции с союзом *že* уступают в частотности лексическим маркерам. На месте чеш. *prý* используется частица *vraj* (от *vravieť* 'говорить'): *A že vraj francúzsky jazyk je jazykom básnikov!* В параллельном НКРЯ нет словацкого корпуса, но такой корпус есть в составе Словацкого национального корпуса. Из него видно, что соответствиями рус. *мол*, *деж*, *якобы* и др. выступает целый ряд лексических маркеров: *vraj*; *údajne*; *akoby*; (*že*) *by*; *aby*; *všakver*; *zdanlivo*; *naoko* (по убыванию частотности). Нередко используется также частица *reku*, производная от 1-го л. ед. ч. глагола говорения *riečť*: *Uveril, ba aj úctu tvárou vyjadril: vidíte, reku, sme, čo sme!*²¹ Как и в чешском, используется цитативная конструкция *tak a tak*.

7) СЛОВЕНСКИЙ

В современном словенском существует два основных ксенопоказателя, представленных частицами: *baje* (от *bajati* 'говорить'²²) и *češ* (от *hoteti* 'хотеть'). В параллельном словенско-русском корпусе (небольшом по объему) практически все случаи рус. *мол* и *деж* соответствуют словен. *češ*. Частица *češ* нетипична в славянском ареале в плане этимологии — она производна от глагола «хотеть» во втором лице (*hčeš*). Рус. *якобы* соответствует ряду словенских частиц: *baje*; *naj bi*; *kot da (bi)*; *češ da*; *menda*. И опять-таки констатируем точный параллелизм конструкции *так и так* в роли эвиденциала: словен. *tako in tako*.

²⁰ Отмечается в (Buchstaller, Van Alphen 2012, p. xiv).

²¹ Особая благодарность Дарье Ващенко за предоставленные данные параллельного русско-словацкого корпуса: Slovenský národný korpus — prim-10.0-publicsane. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2022. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 19.12.2025).

²² Схожий процесс прагматикализации отразился в русской частице *бишь*, производной от глагола *баешь*.

**русский:**

Своей, мол, природы у евреев нет, а к чужой они равнодушны.

словенский:

Češ, svoje narave nimajo, tuja jih ne zanima.

(С. Довлатов)

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

словенский:

Nekoliko v dvomih je Nikanor Ivanovič ugovarjal, češ da morajo tujci stanovati v "Metropolu" in nikakor ne v zasebnih stanovanjih...

(М. Булгаков)

русский:

Якобы невозможно пребывать в раю, если знать, что где-то существует страдание.

словенский:

Kot da je nemogoče bivati v raji, če vemo, da nekje obstaja trpljenje.

(М. Шишкин)

словенский:

Nihče ni bil zadovoljen z mano. "V imenu ljudstva «sem dobil sprva 15 let, kasneje so mi to zvišali na 18 let, ker sem se baje" neprimerno vedel na sodišču«.

русский:

«От имени народа» я получил сначала 15 лет, потом мне повысили до 18, поскольку якобы я «неподобающе вел себя на суде».

(В. Зупан)

В корпусе словенского языка Nova Beseda *češ* встречается 37426 раз, тогда как *baje* 3793, то есть в десять раз реже. При этом в корпусе устно-го словенского (GOS 2.0) — примерно равное число вхождений обеих единиц. Но в два раза частотнее в разговорном оказываются эвиденциальные конструкции с *naj bi* и *kot da bi* (или сокр. *k'da bi*), см. пример из (Uhlik 2018):

slvn. Šola **naj bi** začela delovati že to jesen. (← Pravijo, da naj bi šola začela delovati že to jesen.)

rus. Школа **будто бы** начала работать уже этой осенью (← Говорят, будто бы школа начала работать уже этой осенью.)

Češ и его варианты *kakor češ* и *češ da* также весьма употребительны в разговорном словенском, по данным GOS 2.0²³.

²³ Однако вряд ли *češ* можно назвать «новым цитативом» типа английских *like* и *go*, как это сделано в работе (Panić Cerovski et al. 2012). *Češ* употребляется в такой функции уже давно, по меньшей мере с начала XX века, как свидетельствует ПарК НКРЯ.



8) СЕРБОХОРВАТСКИЙ (боснийский, сербский, хорватский, черногорский)

Несмотря на территориальную и историческую близость со словенским, сербохорватский (в его национальных вариантах) использует в качестве ксенопоказателей иные лексические единицы. Самый частотный ксенопоказатель по параллельному русско-сербскому корпусу (впрочем, небольшому по объему) — серб. *као*²⁴. В контекстах с рус. *якобы* в ПарК используются следующие эквиваленты: *као да*; *тобоже*; *бајаги*; *као бајаги* (не связано со словенским *baje*, происходит от турецкого *bayagi*); *наводно* (от глагола *наводити* — ‘цитировать’²⁵). В функции эвиденциала иногда используются глагольные маркеры: *вели*; *каже*; *реко*; *прича се*.

русский:

Видит, такое дело. Чем, мол, занимаетесь? Строку, понимаешь, гонит.

сербский

Види, нешто се дешава. Као, шта радите? Тражи тему за чланак.

(С. Довлатов)

сербский

*Zabeležila ga je nepoznata osoba **tobože** prema pričanju samoga Atanasija Fjodorovića i to kada je on već bio direktor AVS Engineering & Pharmaceuticals.*

русский:

*Они записаны, правда, **якобы** со слов самого Афанасия Федоровича неизвестным лицом в те поры, когда Разин был уже директором “ABC Engineering & Pharmaceuticals”.*

(М. Павич)

русский:

*Однако дом так называется. Более того, один московский врун рассказывал, что **якобы вот** во втором этаже, знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе, а впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!*

сербский

*Било како било, зрада се тако звала. Па чак и више од тога, један московски лажљивац је причао да је, **као бајаги**, на првом спрату, у округлој сали са стубовима, познати писац читао одломке из свог комада НЕВОЉЕ ЗБОГ ПАМЕТИ тој тетци која је лежала на софи. Усталом, **ћаво ће га знати**, можда је и читао, то уопште и није важно*

(М. Булгаков)

Интересно, что в уже приводимой выше по разным языковым парам фразе из «Мастера и Маргариты» (и иногда в других переводах из художественной литературы) в функции репортатива в сербском используется частица *eto* (аналогичная рус. *вот*, которая также может выполнять функцию ксенопоказателя²⁶):

²⁴ См. о некоторых сербских маркерах эвиденциальности: (Попович 2015; Поповић 2010 (в сопоставлении с украинским); Марић 2025 (в сопоставлении с русским; здесь *као* называется «маркером внутренней речи» с «инферентивным эвиденциальным значением»)).

²⁵ См. о серб. *наводно* в статье (Попович 2015).

²⁶ Согласно (Левонтина 2020).

**русский:**

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, **мол**, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

сербский:

Никанор Иванович се мало збуњено успротиви, јер, **ето**, странци треба да живе у МЕТРОПОЛУ а не по приватним становима...

(М. Булгаков)

В разговорном сербском, помимо отмеченных выше, используется также как ксеномаркер частица *значи*. Употребляются в роли цитативов наряду с *као* (разг. *k'o²⁷*) также *krene*; *onako* (*оно*); *типа*. См. примеры из статьи (Bjelogrić 2015):

meni su se naravno moje koleginice smejale // као – // ja sam bila urednik dva ženska lista.

: I Silvana vidi da mi tu nešto znaš // domundavamo se // i ona krene // jao evo je brzo // ja se oladio b.

9) МАКЕДОНСКИЙ

По македонскому данных немного, поскольку в НКРЯ отсутствует параллельный с русским корпус. Об эвиденциальности в македонском и болгарском известно из статей и фундаментального труда (Макарцев 2014). Македонский, как и болгарский, характеризуется грамматикализированными маркерами эвиденциальности, в частности омонимичной перфекту так называемой *сум-л*-формой глагола. Между тем используются также и лексические маркеры – как наречные (*наводно*; *божем*), так и глагольные (*вели*; *каже*; *рече*). Употребительна также частица *демек* ('якобы, говорят', заимствование из турецкого), указывающая на неопределенность источника информации или сомнение говорящего в ее истинности. См. пример из (Макарцев 2014):

Растела, **демек**, поддршката за ставот на македонската влада во спорот околу името со Грција (из журнала).

[Они говорят, что] поддержка позиции македонского правительства в споре с Грецией об имени растет [что не соответствует действительности, если принять во внимание официальные заявления Брюсселя и Вашингтона].

В македонских словарях с пометой «диалектное» отмечается еще один эпистемический и репортативный маркер – *ѓоа*, являющийся заимствованием из турецкого *güya*, *güya* от перс. *gū* 'говорить': *Преку него ѓоа било поблиску за враќање, а останав три години по пат низ Сибир. Эта частица ушла в разговорный экспрессивный слой языка, а также используется в стилизации речи персонажей художественной литературы. Данных о новых цитативах в македонском получить не удалось.*

²⁷ См. о кватативных употреблениих *као* и *ко* в хорватских говорах: (Benić 2018).



10) БОЛГАРСКИЙ

Как и в македонском, категория эвиденциальности выражается в болгарском в большинстве случаев особой грамматической формой глагола и да-конструкцией. Это видно по примерам из ПарК:

русский:

Легкие деньги – они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал.

болгарский:

Лесната пара не тежи, а и не се чувства, като да речеи – ей на, изкарах.

(А. Солженицын)

В то же время по параллельному корпусу видно разнообразие других маркеров, соответствующих рус. *мол* и *дескать*: *един вид*; *значи*; *рекъл*; *видите ли* (любопытное совпадение с рус. *видите ли*); *вика*; *каза*; *повече*; также в этой роли могут выступать частицы *ето* (как и в сербском) и *ех* (ср. рус. *ах* в функции ксенопоказателя):

русский:

Подняла руку – мол, не такая я персона, чтобы называть свое имя – и, изобразив почтительный полупоклон в сторону шефа, сказала...

болгарский:

Вдигна длан – един вид, не съм чак такава персона, че да се представям поименно, и с почитателно свеждане на глава в посока към шефа, каза...

(Б. Акунин²⁸)

русский:

Старикан, мол, перепугается... как же, напугаешь такого.

болгарский:

Старчето, видите ли, щяло да се изплаши... Как ли пък не – такъв като него да се изплаши!

(Г. Полякова)

Аналогами рус. *якобы* выступают следующие болгарские маркеры: *уж*; *кай* (разг. *ка*, от *каже*)²⁹; *май*; а также, как и в македонском, *демек*. Чаще всего употребляется частица *уж*:

русский:

Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из «Горня от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе, а впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!

²⁸ Б. Акунин (Г.Ш. Чхартишвили) в 2023 году внесен в список террористов и экстремистов решением Росфинмониторинга, в 2024 году включен Министерством юстиции РФ в реестр лиц, выполняющих функции иностранного агента. — Примеч. ред.

²⁹ См. о болгарских маркерах пересказывательности *кай*, *каже*, *уж* в сопоставлении с рус. *мол* и *дескать* в статье (Ivanova 2016).

**болгарский:**

Нещо повече, един московски дърдорко разпразяше, че уж точно тук, на втория етаж, в кръглата зала с колоните, прочутият писател бил чел откъси от „От ума си тегли“ на същата тази леля, излегната върху канането. Впрочем, дявол го знае, може и да ѝ е чел, не това е важно!

(М. Булгаков)

болгарский:

Демек, ето, отново дохождам, какво да се прави!

русский:

Мол, вот, нужно опять возвращаться, что поделаешь!

(А. Гуляшки)

Наконец, отметим аналогичные другим славянским языкам эквиваленты рус. *так и так* в роли конструкции-цитатива: *така и така; тѣй ѝ тѣй*.

4. Заключение

Данные параллельных корпусов славянских языков (на базе НКРЯ) позволили уточнить и дополнить сведения об арсенале ксенопоказателей в основных языках семьи, а именно — установить соответствия русских дискурсивных маркеров чужой речи с их эквивалентами в других славянских языках. Мы ограничили наш анализ лексическими показателями эвиденциальности и эпистемической модальности в контекстах передачи чужой речи. Анализ показал, что такие лексические маркеры встречаются во всех основных десяти славянских языках, причем даже в тех (относящихся к Балканскому языковому союзу), в которых категория эвиденциальности выражена, как правило, грамматически, а не лексически. Переводы художественной литературы показывают большую вариативность в употреблении даже лексических ксенопоказателей. А национальные корпуса соответствующих языков предоставляют данные об употребимости этих дискурсивных единиц в современной речи, в том числе устно-разговорной, публицистической и художественной. Перечень употребимых в корпусах ксенопоказателей представлен в приложении.

Среди частных выводов можно отметить следующее. Маркеры-цитативы с эвиденциальной функцией (группа 1) в большинстве своем произведены от глаголов говорения³⁰, тогда как маркеры с функцией эпистемической оценки (группа 2) чаще всего производятся от сравнительных конструкций и сослагательных частиц. При этом границы между эвиденциальностью, цитативностью и эпистемической модальностью часто подвижны в дискурсе, поэтому некоторые маркеры используются в разных случаях. Маркеры из группы (1) этимологически восходят к глаголам говорения-как-действия, то есть являются свернутыми речевыми актами, а именно — речевыми актами субъективной оценки самой речи.

³⁰ Частицы-ксенопоказатели образуются от глаголов говорения в самых разных языках мира, см. данные в: (Иванов 2009, с. 166–167).



(1) рус. *мол, дескать, де, grit*; бел. *маўляў, моў, кажа*; укр. *мовляв, мов*; пол. *powiada, peda, rzekoto*; чеш. *prý*; словац. *vraj* и *reki*; словен. *baje*; серб. *вели, каже, реко, прича се, наводно*; мак. *вели, рече, демек, гоа*; болг. *рекъл, кай (ка)*.

(2) рус. *якобы, будто бы, вроде бы*; бел. *нібыта, нібы, як бы*; як *быццам*; укр. *ніби; нібито; неначе; немовбито³¹; неначебто; буцім (буцімто, буцімби)*; пол. *jakoby, rzekoto, podobno, niby, ponoś*; чеш. *jako*; словен. *kot da (bi)*; серб. *као*

Некоторые из славянских ксенопоказателей производны от глаголов восприятия (бел. *бач, бацьце, відаць*; рус. и болг. *видите ли*) или желания (словен. *čes*), либо от существительных с эвиденциальным значением (чеш. *údaj* → *údajně*). Заметим также, что в случаях серб. *значи*, болг. *значи*, бел. *знацьця* инферентивное значение маркера обретает черты цитативности.

Так называемые «новые цитативы» в большинстве славянских языков (см. последний столбец таблицы в приложении) образованы под влиянием англ. *like* и *goes like*, с использованием сравнительных слов. Самым универсальным ксенопоказателем для большинства славянских языков оказывается конструкция, аналогичная рус. *так и так*: практически всем языкам семьи свойственна именно такая трехчастная формула с репрезентирующей и репортативной функцией.

Полученные данные подтверждают, что ксенопоказатели образуют устойчивую, типологически значимую группу метакоммуникативных средств, реализующих функции репортативности, цитативности, эвиденциальности и субъективной модальности, однако конкретные способы их языковой репрезентации существенно различаются в пределах славянского ареала. Данные параллельных корпусов показывают, что при переводе с русского языка на другие славянские языки ксенопоказатели часто заменяются функционально эквивалентными, но формально несоответствующими средствами, что указывает на асимметрию прагматических систем славянских языков и на необходимость учитывать дискурсивную, а не только лексико-семантическую эквивалентность. Особого внимания заслуживает распространение «новых цитативов» разговорного происхождения, которые, хотя и не во всех славянских языках получили нормативный статус, свидетельствуют о продолжающейся динамике зоны метакоммуникации.

Таким образом, исследование подтверждает продуктивность корпусно-дискурсивного подхода для типологического изучения прагматических единиц. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших типологических исследованиях прагматики, в переводоведении, а также при разработке корпусного аннотирования прагматических значений языковых единиц и конструкций. Говоря о перспективах подобного сопоставительного и типологического исследования прагматических маркеров в разных языках, можно надеяться на более объемное пополнение в будущем как параллельных двуязычных и много-

³¹ Производная от частицы *немов*, в свою очередь, как предполагается, восходящей к глаголу говорения с отрицательной партикулой.



язычных лингвистических корпусов, так и функциональных корпусов отдельных языков (устная речь, публицистический дискурс, художественный дискурс и т. д.)³².

Приложение

Ксенопоказатели в славянских языках: лексические маркеры

Язык	Маркеры со значением цитативности, ренарративности и субъективной модальности	Маркеры со значением эпистемической модальности	Новые маркеры-цитативы
Русский	<i>мол; дескать; де; grit (говорит); так и так</i>	<i>якобы; будто бы; вроде бы; видите ли (видишь ли)</i>	<i>типа; типа того; такой; вот; как бы; вроде как; вроде того; ах</i>
Белорусский	<i>маўляў; моў; бо; бач; бачыце (бачыш); значыцца; нібыта; відаць; нібы; пыні; так і гэтак; так і так</i>	<i>кажа; нібыта; нібы; як бы; як быццам (бы)</i>	<i>типа; такой</i>
Украинский	<i>мовляв; мов; пак; так і так; отак і отак; так і сяк</i>	<i>ніби; нібито; неначе; немовбито; неначебто; буцім (буцімто, буцімби)</i>	
Польский	<i>niby (że niby; niby że; niby to); powiadasz (powiada, peda); tak a tak</i>	<i>jakoby; rzekomo; podobno; niby; ponoć; pono</i>	<i>tak (taka, taki)</i>
Чешский	<i>prý; takhle a takhle; tak a tak</i>	<i>prý (prej); údajně</i>	<i>jako</i>
Словацкий	<i>vraj; reku; údajne; všakver</i>	<i>vraj; údajne; zdanlivo; akoby; (že) by</i>	
Словенский	<i>češ; tako in tako</i>	<i>baje; naj bi; kot da (bi); češ da; menda</i>	<i>kakor češ; češ da</i>
Сербохорватский	<i>kao (као, ка); вели; каже; реко; прича се; ето; значи</i>	<i>као да; тобоже; бајаги; као бајаги; наводно</i>	<i>као (k'o); krene; onako (ono); tira</i>
Македонский	<i>вели; рече; демек; гоа</i>	<i>наводно; божем; демек; гоа</i>	Нет данных
Болгарский	<i>един вид; значи; рекъл; видите ли; вика; каза; повече; ето; ех; така и така; тѝй ѝ тѝй</i>	<i>уж; каѝ (ка); маѝ; демек</i>	Нет данных

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-20250001, государственного Министерством высшего образования и науки РФ.

³² Благодарю коллег за консультации по отдельным славянским языкам: Марию Малиновскую, Олега Коваля, Дениса Вирена, Дмитрия Полякова, Дарью Ващенко, Наталью Муравлеву.



Список литературы

Апресян, В.Ю., Шмелев, А.Д., 2017. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское *якобы*. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 16 (23), с. 17–29. [Apresjan, V.J. and Shmelev, A.D., 2017. “Xeno-markers” based on parallel corpora and modern media: the Russian *yakoby*. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 16 (23), pp. 17–30 (in Russ.)] EDN: XNQSHX.

Арутюнова, Н.Д., 2000. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов. В: *Язык о языке*. Н.Д. Арутюнова (ред.). М., с. 437–452. [Arutyunova, N.D., 2000. Markers of reported speech *de, deskat', mol*. On the problem of interpreting speech-behavioral acts. In: N.D. Arutyunova, ed. *Language about language*. Moscow, pp. 437–452 (in Russ.)] EDN: YJXOYF.

Богданова-Бегларян, Н.В., 2021. Маркеры-ксенопоказатели в русской повседневной речи: аннотирование речевого корпуса, типология и количественные данные. В: *Корпусная лингвистика – 2021: труды международной конференции*. СПб., с. 183–190. [Bogdanova-Beglarian, N.V., 2021. ‘Xeno’-markers in Russian everyday speech: annotation of the speech corpus, typology and quantitative data. In: *Corpus Linguistics – 2021: proceedings of the International Conference*. St. Petersburg, pp. 183–190 (in Russ.)] EDN: YWOMIX.

Иванов, Вяч. Вс., 2009. К теории речи другого человека. В: *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 6: История науки: недавнее прошлое (XX век). М., с. 157–182. [Ivanov, Vyach. Vs., 2009. Toward a theory of another person’s speech. In: *Selected works on semiotics and the history of culture*. Vol. 6: History of science: the recent past (20th century). Moscow, pp. 157–182 (in Russ.)].

Кобрин, О.А., 2005. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1 (4), с. 86–98. [Kobrina, O.A., 2005. Category of evidentiality: its status and forms of expression in different languages. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (4), pp. 86–98 (in Russ.)] EDN: PQXVX.

Крылова, Э.Б., 2020. Средства выражения эвиденциальных значений в датском и русском языках и проблема их перевода. В: *Германские языки: текст, корпус, перевод*. Д.Б. Никуличева (ред.). М., с. 190–202. [Krylova, E.B., 2020. Means of expressing evidential meanings in Danish and Russian and the problem of their translation. In: D.B. Nikulicheva, ed. *Germanic languages: text, corpus, translation*. Moscow, pp. 190–202 (in Russ.)].

Левонтина, И.Б., 2020. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке. *Вопросы языкознания*, 3, с. 52–77. [Levontina, I.B., 2020. The repertory of xenomarkers in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 52–77 (in Russ.)] EDN: YAAYTY, <https://doi.org/10.31857/S0373658X0009413-3>.

Макарцев, М.М., 2014. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. М.; СПб., 444 с. [Makartsev, M.M., 2014. *Evidentiality in the space of the Balkan text*. Moscow; St. Petersburg, 444 p. (in Russ.)].

Марић, Б., 2025. *Туђи говор у руском и српском језику: синтаксички, семантички и стилистички аспект*. Београд. [Marić, B., 2025. *Reported speech in Russian and Serbian: syntactic, semantic and stylistic aspects*. Belgrade (in Serb.)].

Николаева, Т.М., 1985. *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. М., 169 с. [Nikolaeva, T.M., 1985. *Functions of particles in utterances (based on Slavic languages)*. Moscow, 169 p. (in Russ.)].

Плунгян, В.А., 2008. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие. В: *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72*,



pp. 285–311. [Plungyan, V. A., 2008. On markers of reported speech and unreliability in Russian: *mol*, *yakoby* and others. In: *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 72, pp. 285–311 (in Russ.)] EDN: SIQLPL.

Поповић, Љ., 2010. Категорија евиденцијалности у српском и украјинском језику. *Зборник Матице српске за славистику*, 77, с. 17–47. [Popović, Lj., 2010. The category of evidentiality in Serbian and Ukrainian. *Proceedings of Matica Srpska for Slavic Studies*, 77, pp. 17–47 (in Serb.)].

Попович, Л., 2015. Лексическе и граматическе показатељи евиденцијалности у српском и других славјанских језицима. В: *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology*. Л. Попович, М. Номачи (ред.). Саппоро, с. 219–250. [Popović, L., 2015. Lexical and grammatical markers of evidentiality in Serbian and other Slavic languages. In: L. Popović and M. Nomachi, eds. *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology*. Sapporo, pp. 219–250 (in Russ.)].

Симонова, К. С., 1983. Переповідні частки. *Культура слова*, 24, с. 42–49. [Simonova, K.S., 1983. Reportative particles. *Culture of the Word*, 24, pp. 42–49 (in Ukr.)].

Соколова, О. В., Захаркив, Е. В., 2025. Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М., 328 с. [Sokolova, O.V. and Zakharkiv, E.V., 2025. *Pragmatics and poetics. Poetic discourse in new media*. Moscow, 328 p. (in Russ.)].

Соколова, О. В., Фещенко, В. В., 2024. Прагматическе маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), с. 706–733. [Sokolova, O.V. and Feshchenko, V.V., 2024. Pragmatic markers in contemporary poetry: a corpus-based discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), pp. 706–733 (in Russ.)] EDN: YAADPP, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>.

Фещенко, В. В., 2025. Поэтика эгоцентрического слова: корпусно-дискурсивный анализ частицы *mol*. *Terra Linguistica*, 16 (3), с. 146–165. [Feshchenko, V.V., 2025. Poetics of the egocentric word: a corpus-based discourse analysis of the particle *mol*. *Terra Linguistica*, 16 (3), pp. 146–165 (in Russ.)] EDN: EIDREN, <https://doi.org/10.18721/JHSS.16310>.

Храковский, В. С. (ред.), 2007. Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб, 634 с. [Khrakovsky, V.S., ed., 2007. *Evidentiality in the languages of Europe and Asia: a collection of papers in memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg, 634 p. (in Russ.)] EDN: QTKSLF.

Яслик, В., 2016. Мовляв (мов) як засіб вираження евиденції. *Лінгвістичні студії*, 31, с. 26–30. [Yaslyk, V., 2016. Movlyav (mov) as a means of expressing evidentiality. *Linguistic Studies*, 31, pp. 26–30 (in Ukr.)].

Benić, M., 2018. Prepričavanje diskursa na primjeru osječkoga govora. *Rasprave. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 44 (1), pp. 1–55.

Bjelogrlić, A., 2015. Novi(ji) kvotativi u razgovornom diskursu savremenog srpskog jezika. *Radovi Filozofskog fakulteta. Filološke nauke*, 17, pp. 65–86.

Buchstaller, I. and van Alphen, I., eds., 2012. *Quotatives: Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam; Philadelphia.

Guz, W., 2024. Quotative uses of Polish simulative demonstratives. *Linguistics*, 62 (3), pp. 541–575, <https://doi.org/10.1515/ling-2021-0201>.

Hoffmannová, J., 2008. Role českého *prý/prej/pré* při vyjadřování reproduktivních a modálních významů. *Wiener Slawistischer Almanach*, 72, pp. 149–164.

Ivanova, Z., 2016. О Маркерах Переказывательности в Русском и Болгарском Языках (The Reportative Evidential Markers in Russian and Bulgarian). *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2864426> [Accessed 15 December 2025] (in Russ.) <https://doi.org/10.2139/ssrn.2864426>.



Panić Cerovski, N., Đukanović, M. and Kovačević, B., 2012. Novi markeri citiranja u srpskom i slovenačkom jeziku. In: B. Dimitrijević, ed. *Nauka i savremeni univerzitet – Filologija i univerzitet*. Niš, pp. 121–131.

Rossi, G., 2020. Other-repetition in conversation across languages: Bringing prosody into pragmatic typology. *Language in Society*, 49 (4), pp. 495–520, EDN: TTKFVB, <https://doi.org/10.1017/S0047404520000251>.

Schiffrin, D., 1987. *Discourse markers*. Cambridge.

Uhlik, M., 2018. O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi. *Slavistična revija*, 66 (4), pp. 403–419, EDN: LTTYWH.

Wiemer, B., 2008. Показатели с цитативной и инферентивной функциями в русском и польском языках. Коммуникативные механизмы семантического сдвига. *Wiener Slavistischer Almanach*, Sonderband 72, pp. 335–376 (in Russ.).

Wiemer, B., 2018. *Catching the elusive: lexical evidentiality markers in Slavic languages: a questionnaire study and its background*. New York.

Wiemer, B. and Marín-Arrese, J.L., eds., 2022. *Evidential marking in European languages: toward a unitary comparative account*. Berlin; Boston.

Wiemer, B. and Plungian, V.A., 2008. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. München; Wien.

Об авторе

Владимир Валентинович Фещенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-1323-4220

SPIN-код: 8525-3280

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Для цитирования:

Фещенко В.В. Ксенопоказатели в славянских языках: корпусно-дискурсивные данные // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 96–117. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5.



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

XENO-MARKERS IN SLAVIC LANGUAGES: CORPUS AND DISCOURSE DATA

Vladimir V. Feshchenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

Submitted on 05.12.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5

The article presents a comparative study of xenopointers, understood as pragmatic markers of reported or attributed speech, across contemporary Slavic languages. These units constitute an important part of discourse organisation, as they encode speakers' metacommunicative reflection and strategies for representing an external or distanced voice. While individual markers have been extensively described within specific linguistic traditions, their cross-Slavic typological analysis remains insufficiently systematised. The study aims to identify



and classify lexical xenopointers in major Slavic languages and to establish their functional and pragmatic correspondences. The research is based on a corpus-driven discourse approach that combines quantitative analysis of parallel and monolingual corpora with qualitative examination of contextual usage. Special attention is given to translated literary texts, which provide a suitable basis for multilingual comparison and for tracing translation strategies involving pragmatic markers. The analysis demonstrates that lexical xenopointers are attested in all examined Slavic languages, including those in which evidentiality is primarily expressed through grammatical means. The study reveals both shared typological patterns and language-specific differences in the etymology, distribution, and pragmatic scope of these markers, as well as considerable variability in their translational equivalents. The findings contribute to a more nuanced understanding of the interaction between evidentiality, quotativity, and epistemic modality in discourse and offer new empirical insights for corpus pragmatics and cross-linguistic research.

Keywords: *xeno-markers, pragmatic markers, reported speech, Slavic languages, corpus pragmatics, typological pragmatics, corpus-based discourse analysis*

Acknowledgements. *This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-20250001.*

The author

Prof. Vladimir V. Feshchenko, Leading Research Fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-1323-4220

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

To cite this article:

Feshchenko, V. V., 2026, *Xeno-markers in Slavic languages: corpus and discourse data*, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 96–117. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5.

